

Д. В. Иванов, Е. А. Кий

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ ИЗ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В МУЗЕЕ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

АННОТАЦИЯ. Рассматривается история поступления буддийских археологических находок из Восточного Туркестана в Музей антропологии и этнографии, а также их последующая передача в Государственный Эрмитаж. Начало исследования Восточного Туркестана во многом связано с Музеем антропологии и этнографии, его директором Василием Васильевичем Радловым и сотрудником МАЭ Дмитрием Александровичем Клеменцем. Попадание буддийских артефактов в этнографический музей при Академии наук до революции было оправдано и закономерно. Для этих памятников в Музее антропологии и этнографии был создан специальный отдел древностей Восточного и Западного Туркестана. Археологические экспонаты из Восточного Туркестана были представлены на постоянных экспозициях МАЭ. Краткая история этого отдела и его выставок также рассмотрена в статье. Однако в 1930-х годах последовала массовая передача артефактов в Государственный Эрмитаж и ликвидация отдела древностей Восточного и Западного Туркестана. За этой передачей стояли сложные процессы послереволюционного переустройства музейного дела в стране, дискуссия о целесообразности нахождения археологических экспонатов в этнографическом музее и, шире, вопрос о роли и предназначении самого этнографического музея. Приводится также информация о материалах отдела древностей Восточного и Западного Туркестана, оставшихся в МАЭ, а также о тех немногочисленных экспонатах, которые Музей антропологии и этнографии получил из Эрмитажа взамен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Восточный Туркестан, буддийская археология, Музей антропологии и этнографии, Эрмитаж

УДК 069.02:39(470.23-25)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-66-80

ИВАНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — к.и.н., ст.н.с. отдела этнографии Восточной и Юго-Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: dmitivanov@gmail.com

КИЙ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — к.филос.н., ст.н.с. отдела Востока, Государственный Эрмитаж (Россия, Санкт-Петербург)

E-mail: evgeniy.kiy@gmail.com

Буддийские древности Китайского Туркестана и вообще Западного Китая были исследованы в значительной мере русскими учеными, и поэтому этот отдел и на нашей выставке представлен обильно.

С. Ф. Ольденбург. Первая буддийская выставка в Петербурге

В конце XIX — начале XX в. коллекции Музея антропологии и этнографии Академии наук (далее — МАЭ) пополнились археологическими памятниками из Восточного Туркестана, собранными членами Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКСВА; о нем см. ниже). Специально для их хранения и изучения был создан особый отдел древностей Восточного и Западного Туркестана, просуществовавший до начала 1930-х годов, когда его коллекции были практически полностью переданы в Государственный Эрмитаж.

Нам представляется любопытной недолгая история существования этого отдела в стенах академического музея — преемника Кунсткамеры от момента его создания вплоть до ликвидации. За упразднением отдела древностей Восточного и Западного Туркестана стояли сложные процессы послереволюционного переустройства музейного дела в стране, дискуссия о целесообразности нахождения археологических экспонатов в этнографическом музее и, шире, вопрос о роли и предназначении самого этнографического музея.

ПОСТУПЛЕНИЕ В МАЭ

Продвижение Российской империи в Средней Азии в XIX в. привело к включению в сферу ее интересов территории современного Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. В известном исследовании «чужеземных дикиховин» в китайской империи Тан (618–907) Эдвард Шефер писал об этом регионе: «Огромное пространство между танским Китаем и Трансоксианой (междуречьем Амударьи и Сырдарьи) обозначают по-разному: Китайский Туркестан, Восточный Туркестан, Бассейн Тарима, Центральная Азия, Синьцзян. В книге я называю его Сериндия, используя название, предложенное сэром Аурелом Стейном» (Шефер 1981: 18)¹. Через этот край когда-то проходил Великий Шелковый путь, связывавший Поднебесную с западным миром. Караванная торговля способствовала распространению в оазисах Сериндии различных религий: буддизма, манихейства, христианства несторианского толка.

В 1882 г. в Кашгаре, городе на самом западе этого самобытного и богатого историческими памятниками региона, было открыто российское консульство во главе с Николаем Федоровичем Петровским (1837–1908)². В течение только осени и зимы 1892–1893 гг. Н. Ф. Петровский прислал в Петербург более ста листов и фрагментов рукописей, приобретенных им у местного населения (подробнее см.: Петровский 2010; Тункина 2013; Восточный Туркестан и Монголия 2018а: 83–206). В 1899 г. Музей антропологии и этнографии получил от Н. Ф. Петровского коллекцию фотографий, снятых в Кашгаре в конце XIX в. (в настоящее время — колл. № 511).

Вместе с дипломатами в эту часть Цинской империи пришли и военные-топографы. В 1896 г. Императорское Русское географическое общество получило доставленный экспедицией В. И. Роборовского (1856–1910) мешок с обрывками собранных в Турфанском оазисе рукописей, разбор которых занялись индолог С. Ф. Ольденбург (1863–1934) и синолог А. О. Ивановский (1863–1903), выделившие среди них китайские, санскритские, уйгурские и уйгурско-санскритские (двуязычные) манускрипты. Эти материалы были предоставлены для изучения В. В. Радлову (1837–1918), ученому-тюркологу и директору МАЭ (Попова 2008: 28). Понимая ценность полу-

¹ А. Стейн (1862–1944) — венгерский путешественник и этнограф, предпринявший ряд экспедиций в Восточный Туркестан, внесших значительный вклад в исследование этого региона.

² Н. Ф. Петровский — консул в Кашгаре с 1882 по 1903 г., почетный член Императорского Русского археологического общества и Туркестанского кружка любителей археологии.

ченных из Восточного Туркестана артефактов, В. В. Радлов способствовал снаряжению в 1898 г. Турфанской экспедиции во главе с Д. А. Клеменцем (1848–1914), сотрудником МАЭ (Решетов 2002: 3).

Сам Д. А. Клеменц в письме Николаю Ивановичу (?)³, написанном в Петербурге 25 декабря 1898 г., так оценивал результаты путешествия: «Я свою поездку в общем могу назвать удачной, из Турфана вывезено много буддийских древностей, но устал, устал страшно!» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Л. 20). Материалы экспедиции поступили в МАЭ, где из них была сформирована коллекция № 756. В 1899 г. Д. А. Клеменц издал на немецком языке специальную публикацию о своей экспедиции (Klementz 1899)⁴.

Собранные им артефакты были по достоинству оценены и другими учеными. Так, академик Ф. И. Щербатской (1866–1942) отмечал: «Все громадное значение археологии этих стран (оазисов Сериндии. — *Авт.*) для истории Индии было вскрыто экспедицией Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества под начальством Д. А. Клеменца» (Щербатской 1934: 22; см. также: Ермакова 1998: 205)⁵.

В 1899 г. на XII Конгрессе ориенталистов в Риме В. В. Радлов выступил с докладом о находках и исследованиях русскими учеными древностей Восточного Туркестана. В результате их изучение было признано исключительной по своему значению научной задачей, осуществление которой возможно только лишь посредством координации усилий ученых разных стран, и 14 октября 1899 г. на общем заседании Конгресса было заявлено об образовании Международного союза для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Петербург определен постоянным его центром с академиком В. В. Радловым и профессором С. Ф. Ольденбургем во главе. Это решение было утверждено на следующем заседании 15 октября 1899 г. (Извлечения из протоколов... 1903: 5).

Устав Международного союза был принят 10 сентября 1902 г. на XIII Международном конгрессе ориенталистов в Гамбурге. Начиная с 1903 г. в Петербурге стали выходить «Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии».

Русский комитет приступил к подготовке экспедиций в различные регионы Азии. Члены комитета занимались исследованием Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока России, Монголии, Тибета. Однако особое внимание уделялось приобретению и введению в научный оборот артефактов из Восточного Туркестана⁶. В 1905–1907 гг. в Кучарском оазисе работала экспедиция Михаила Михайловича Березовского (1848–1912)⁷. Сергей Федорович Ольденбург еще до того, как ему самому довелось побывать в Восточном Туркестане, внес значительный вклад в исследование найденных там манускриптов (Бонгард-Левин и др. 2004).

С момента создания Русский комитет оказался тесно связан с МАЭ. Этому способствовало то, что председателем комитета был директор музея академик В. В. Радлов, а одним из секретарей — Лев Яковлевич Штернберг (1861–1927), также работавший в МАЭ (Кисляков 2013: 116). Неудивительно, что практически все этнографические и археологические коллекции, собираемые членами Русского комитета, передавались в Музей антропологии и этнографии⁸. Письменные памятники поступали в Азиатский музей Академии наук (ныне — Институт восточных рукописей РАН), а некоторые этнографические материалы — в Этнографический отдел Русского музея.

Тесные связи сотрудников комитета с МАЭ отражает переписка Николая Николаевича Кроткова (1869–1919), русского консула в Урумчи, помогавшего РКИСВА, с С. Ф. Ольденбургем.

³ Судя по содержанию письма, оно было написано в г. Кобдо (современный Ховд) в Монголии. Мы можем предположить, что Николай Иванович — это Н. И. Асанов — бийский купец, торговавший в этом городе с 1892 г.

⁴ См. также некоторые недавно опубликованные материалы этой экспедиции: (Восточный Туркестан и Монголия 2018с: 207–384).

⁵ Д. А. Клеменц оставил ВСОИРГО в 1894 г. (Решетов 1998: 66). На момент экспедиции он был штатным сотрудником МАЭ, а Турфанская экспедиция была организована Академией наук.

⁶ Подробнее о деятельности Русского комитета см., например: (Назирова 1992).

⁷ Об этой экспедиции см.: (Воробьева-Десятовская 2008; Восточный Туркестан и Монголия 2018а: 479–512; 2018б: 385–403).

⁸ См. список коллекций, поступивших в МАЭ от РКИСВА: (Кисляков 2013: 119–127).

Так, в письме от 27.I.1910 Ольденбург пишет Кроткову: «По моему возвращению⁹ я думаю, что наш Этнографический музей будет рад избрать Вас своим корреспондентом как выражение оценки Ваших трудов по собиранию древностей» (Бухарин 2016: 438; Восточный Туркестан и Монголия 2018а: 564). Эту возможность Н. Н. Кротков воспринял с большим энтузиазмом, отметив в письме от 1.III.1910: «Если Этнографический музей удостоит избрать меня своим корреспондентом, это будет для меня очень большой честью. Тогда, замечу здесь, легко решится и вопрос о деньгах на покупку древностей: став в непосредственные отношения к Музею, я буду приобретать древности на суммы, отпущенные им в мое распоряжение» (Бухарин 2016: 443; Восточный Туркестан и Монголия 2018а: 567), а 8 апреля 1911 г. он пишет: «Получил дипломы на звание корреспондента Музея антропологии и этнографии при Академии Наук (курсив наш. — *Авт.*) и члена-корреспондента Русского Комитета для Изучения Средней и Восточной Азии. Весьма обрадован и польщен этим» (Бухарин 2016: 451; Восточный Туркестан и Монголия 2018а: 572).

Среди многих экспедиций и предприятий Русского комитета особое место по значению и богатству привезенных памятников и материалов занимают экспедиции, осуществленные под руководством С. Ф. Ольденбурга, — Первая (1909–1910) и Вторая (1914–1915) Русские Туркестанские экспедиции¹⁰. Первая из них работала в Карашарском, Турфанском и Кучарском оазисах («округах»), вторая сосредоточилась на изучении знаменитого буддийского пещерного комплекса Могао недалеко от Дуньхуана (западная окраина современной провинции Ганьсу).

Полученные в ходе их работ находки также поступили в МАЭ, где в 1914 г. сформировали специальный отдел древностей Восточного и Западного Туркестана, ученым хранителем которого стал профессиональный художник, фотограф, участник обеих этих экспедиций Самуил Мартынович Дудин (1863–1929).

Первоначально буддийские артефакты из Восточного Туркестана экспонировались в главном холле при входе в Музей антропологии и этнографии. На стенах арки выставили древности из Хотана: справа — глиняные изображения животных (верблюдов, обезьян, лошадей) и бронзовые вещи (буддийские образки, монеты, наконечники стрел), а слева — глиняные обломки буддийских статуй, изображение Будды из мыльного камня, поступившее от г-на Колоколова (Путеводитель 1904: 79). Далее за аркой вывесили настенные росписи из Турфана: «Над дверью в нижний зал (в настоящее время зал Северной Америки. — *Авт.*) изображение бодисатв (бодхисаттв. — *Авт.*) и докшитов (гневных буддийских божеств. — *Авт.*) с китайским характером письма. Тут же и надписи на китайском, уйгурском и санскритском языках» (Путеводитель 1904: 80). При этом в 1904 г. турфанские экспонаты не выделялись отдельно, а входили в состав общей экспозиции по буддизму (Путеводитель 1904: 77–84).

Увеличение числа буддийских артефактов, создание специального отдела древностей Восточного и Западного Туркестана привели к тому, что к 1915 г. экспонаты из Турфана и Хотана убрали из холла при входе, в котором расположились привычные для современного посетителя деревянные скульптуры — «Бог охоты» из северного Вьетнама и «Ракшас» с о. Шри-Ланка (Иванов 1915: 1). А для интересующих нас предметов была выделена часть нового зала на третьем этаже Музейного флигеля¹¹.

С. М. Дудин в письме С. Ф. Ольденбургу от 10 января 1910 г. пишет: «Василий Васильевич (Радлов. — *Авт.*) для фресок отводит часть зала, выходящего окнами на улицу¹², и весь верх стены его против света. А также лестницы. Очень восхищаться таким местом нельзя, но лучше

⁹ Речь идет о возвращении С. Ф. Ольденбурга из Первой Русской Туркестанской экспедиции в Петербург.

¹⁰ Об этих экспедициях см., например: (Бухарин, Попова, Тункина 2018). См. также: (Ольденбург 1914; 1921; 1922; 1925). Недавно были опубликованы некоторые архивные материалы первой экспедиции С. Ф. Ольденбурга (Восточный Туркестан и Монголия 2018b: 405–614) и ее фотоархив из собрания Института восточных рукописей РАН (Восточный Туркестан и Монголия 2018c).

¹¹ В 1909 г. была закончена надстройка третьего этажа Музейного флигеля (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924). Л. 3).

¹² Чуть выше в письме говорится, что зал находится на третьем этаже музея (Бухарин 2015: 116; Восточный Туркестан и Монголия 2018а: 585).

трудно найти, да и неловко разрывать собрание, не связав его с уже выставленными предметами Березовского и Клеменца» (Бухарин, Тункина 2015: 116; Восточный Туркестан и Монголия 2018а: 585). То, что Дудин был не очень восхищен, неудивительно — для туркестанских артефактов выделили лишь часть зала, в котором также расположили собрания отделов доисторической археологии, Центральной и Южной Америки (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924 г.). № 1. Л. 3). Однако на этом перемещение экспонатов не закончилось. К середине 1920-х годов отдел древностей Восточного и Западного Туркестана перевели на третий этаж главного здания (исторического здания Кунсткамеры). Его выставки¹³ разместили в круглом зале третьего этажа (там, где сейчас находится экспозиция «М. В. Ломоносов и Академия наук XVIII века»), на галерее над залом современной экспозиции «Индия» и в одном из кабинетов, занимаемом в настоящее время библиотекой МАЭ. Зал на третьем этаже Музейного флигеля полностью отошел отделу доисторической археологии (Музей... 1925: 24).

Это был последний большой переезд памятников буддийской археологии внутри МАЭ. Отдел древностей Восточного и Западного Туркестана занимал значительную часть третьего этажа здания Кунсткамеры вплоть до своего упразднения. Ликвидация отдела началась в 1930 г., но еще в 1925 г. в академической среде развернулась полемика по вопросу о задачах этнографического музея и уместности в нем подобных экспонатов.

ДИСКУССИЯ О БУДДИЙСКИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТАХ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ

В середине 1920-х годов встал вопрос о передаче буддийских археологических памятников в Эрмитаж. В это время активно обсуждался (а некоторые мероприятия осуществлялись на практике) вопрос научной специализации музеев, поднятый еще на Первой всероссийской конференции музейных работников в 1919 г. (Иванов 2018: 62). Учитывая новые требования по обоснованию хранения коллекций, научный коллектив МАЭ в 1924 г. сформулировал задачи музея:

«Музей Антропологии и Этнографии Российской Академии Наук ставит своей задачей — представить эволюцию человечества в соматико-антропологическом и культурном отношении начиная с самой глубокой древности вплоть до новейшего периода европейской цивилизации.

Для осуществления этой цели Музей имеет в составе следующие Отделы (скорее большие отделения, поскольку научных отделов в МАЭ в это время было 15. — *Авт.*).

1. Соматико-антропологический (антропологии. — *Авт.*), заключающий материалы по ископаемому человеку и по соматике ныне живущих народов.

2. Отдел палео-этнологический (доисторической археологии. — *Авт.*), в котором собираются материалы по культуре ископаемого доисторического человека и *тот археологический материал позднейших периодов, который необходим для общей картины эволюции и для генетического изучения культуры ныне живущих народов, отсталых в культурном отношении* (курсив наш. — *Авт.*).

3. Отдел этнографический (10 региональных этнографических отделов. — *Авт.*), в котором в географическом порядке представлены наиболее типичные культуры отдельных народов земного шара, начиная с самых отсталых этнических групп и кончая культурными народами вне (подчеркнуто в тексте. — *Авт.*) современного европейского круга. Из культурных народов европейского круга представлены лишь те отсталые элементы, которые к высшим завоеваниям европейской культуры не приобщились.

4. Подготавливаемый ныне Отдел типолого-эволюционный, в котором в наглядной форме должны быть представлены типы и процесс эволюции в каждой области культуры и в отдельных культурных институтах» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924 г.). № 1. Л. 16).

¹³ В МАЭ в то время постоянную экспозицию называли выставкой.

Из этой части документа следует, что объектом изучения и хранения считалась исключительно традиционная культура преимущественно неевропейских «отсталых в культурном отношении» народов. Отделы археологии и антропологии считались вспомогательными. В этом перечне нет места двум важным отделам, существовавшим в МАЭ, — Галерее Петра I¹⁴ и интересующему нас отделу древностей Восточного и Западного Туркестана. Зато озвучена идея создания нового отдела, призванного показать различные памятники материальной культуры (одежда, утварь и т. д.), как эволюцию типов. Возникновение этого подразделения окажется тесно связано с ликвидацией отдела туркестанских древностей.

Однако заключительный раздел документа носит гораздо более общий характер, и в нем вполне можно найти место и для буддийских археологических предметов:

«Из перечисленных задач Музея вытекает, что арена его изысканий не может быть ограничена одной какой-либо территорией или одной какой-нибудь группой народов; *ареной его должна служить вся эйкумена человечества и вся его культура* (курсив наш. — Авт.)» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924 г.). № 1. Л. 16). И далее: «В заключение еще раз напоминаем, что наш Музей единственный в СССР *Музей мировой культуры* (курсив наш. — Авт.), а в ближайшем будущем станет единственным музеем типологии и эволюции культуры в Европе» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1924 г.). № 1. Л. 19).

В процитированном фрагменте этнографический музей заявляется не только музеем традиционной культуры неевропейских народов, но и как центр изучения мировой культуры в самом широком понимании этого слова. Забегая вперед, отметим, что дискуссия о том, является ли этнографический музей «музеем мировой культуры», станет определяющей для судьбы многих коллекций МАЭ в сложное время середины 1920-х годов, ставших периодом глобальной реорганизации музейного дела в России (Иванов 2018: 68). Процесс переустройства музеев, начавшийся с Наркомпроса, докатился и до Академии наук. Менее года спустя после разработки «задач музея» МАЭ столкнется с необходимостью защиты своих коллекций.

Первая попытка передачи экспонатов была инициирована Эрмитажем 11 марта 1925 г., когда соответствующее обращение было направлено в Академию наук. Эта просьба вызвала неоднозначную реакцию сотрудников МАЭ и привела к весьма любопытной дискуссии о месте и роли археологических экспонатов в этнографическом музее и о предназначении самого этнографического музея.

«Заседание Комиссии по вопросу о передаче Государственному Эрмитажу некоторых принадлежащих Академии материалов из Восточного Туркестана» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 11)¹⁵ состоялось 24 марта 1925 г. На встрече присутствовали С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, И. Ю. Крачковский от руководства Академии наук, а также представители МАЭ: Е. Ф. Карский, Л. Я. Штернберг, С. М. Дудин. Ниже мы позволим себе по возможности кратко изложить основные аргументы сторон на этом очень непростом совещании¹⁶.

Главным защитником сохранения туркестанских памятников в МАЭ был Л. Я. Штернберг, выступавший от имени всего Совета музея. Он указал: «1-ых/ что коллекции Турфанских Древностей стоят в связи с буддизмом и этнографическими коллекциями Китая и Индии и потому отделение их от последних нежелательно, 2-х/ что и по количеству экспонатов и по содержанию эти коллекции не могут войти в состав собраний Эрмитажа как дополнение, а наоборот последние могли бы явиться дополнением коллекций МАЭ, в 3-х/ что Академии необходимо считаться с исторической связью коллекций с МАЭ, собранных благодаря усилиям и энергии лиц, тесно связанных с Академией и наконец в 4-х/ что согласие на передачу этих коллекций, если быть

¹⁴ Галерея Петра I будет в скором времени ликвидирована, а экспонаты перераспределены между различными музеями.

¹⁵ Мы выражаем благодарность Е. В. Ивановой и А. Г. Абайдуловой за информацию и помощь в обнаружении папки «Турфан», хранящейся в отделе учета МАЭ РАН.

¹⁶ Для стройности изложения цитаты приведены в соответствии с аргументацией сторон, а не сообразно их последовательности в документе.

логичным, необходимо должно повлечь за собой передачу коллекций из отделов Китая и Индии» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 11). Штернберга поддержал директор МАЭ Е. Ф. Карский, отметивший: «Русским Комитетом по изучению Средней и Восточной Азии применялось почти как правило передача коллекций МАЭ за немногими исключениями, что археологические коллекции имеются и в других отделах Музея кроме отдела Турфанских Древностей и если встать на точку зрения отделения археологии от этнографии, то Музею придется расстаться с значительной частью его собраний, в таком же положении могут оказаться и некоторые коллекции по прикладному искусству — напр. Индии и Китая» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 11). С этим мнением был в целом согласен и С. М. Дудин, считавший, что необходимо лучше разобраться с новой программой Эрмитажа.

Им возражали представители руководства Академии наук, поддерживавшие такую передачу.

Так С. Ф. Ольденбург полагал, что «опираться на историю музея нельзя <...>. Здесь нужна своя точка зрения, нужно защищать свою программу и отстаивать то, что нам нужно, и не удерживать то, что можно отдать раз оно выходит за пределы программы. С. Ф. (Ольденбург. — *Авт.*) делает решительное разграничение между этнографией и археологией. Ссылка на то, что Турфанские коллекции связываются с коллекциями Китая и Индии не соответствует действительности в той мере, в какой указывает Л. Я. Штернберг. В индийских собраниях МАЭ археология отсутствует, в китайских — они представлены (так в тексте. — *Авт.*) весьма слабо. Коллекции эти нечто совершенно особенное. И если Эрмитаж хочет объединить коллекции Петровского, Афросиаба¹⁷ и Турфанские Древности, то связь между ними совершенно определена и количественно его собрания не меньше собраний МАЭ» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 11 об.).

Однако далее Ольденбург добавляет: «...опираясь на эти соображения и на впечатления из моих бесед с Л. Я. Штернбергом и с С. М. Дудиным, я полагаю желательным, чтобы Турфанские коллекции находились и в МАЭ, и в Эрмитаже (курсив наш. — *Авт.*)» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 11 об.).

Л. Я. Штернберг, согласившись с возможностью передачи отдельных экспонатов в Эрмитаж, отметил сложность отделения буддийской археологии от современного «этнографического» буддийского искусства: «Вопрос о разграничении археологии и этнографии не может быть разрешен вообще, разрешать его можно лишь в каждом отдельном случае. Здесь буддизм, он законен для МАЭ. Отделить старую будд<ийскую> иконографию от новой нельзя на основе постоянства. Эрмитаж и сейчас Музей Искусства и наши коллекции он выставит только как таковые; для нас же они важны с их этнографической стороны. Идя ему на встречу в этой задаче, мы отдадим охотно то, что мало связано с нашей программой и некоторые предметы нужные и нам, но имеющиеся в дуплетах или вариациях — напр. соссонидск. (сасанидское. — *Авт.*) серебро, образ Турф<анской> Иконописи и т. д., но передать все — нельзя. Общение с Эрмитажем в таком смысле МАЭ приветствует» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 11 об.).

Весьма интересен взгляд академика Бартольда на задачи этнографического музея: «МАЭ имеет ценные коллекции. *Мировые религии, однако, в его программу войти не могут* (курсив наш. — *Авт.*)¹⁸. <...> *Археологический Отдел МАЭ — доисторич<еская> археология* (курсив наш. — *Авт.*); остальное может быть и здесь, и в Эрмитаже. Здесь большой вопрос. *Музеем мировой культуры МАЭ быть не может* (курсив наш. — *Авт.*)» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 10).

Л. Я. Штернберг попытался апеллировать к международному опыту, приведя пример Этнографического музея в Берлине, сохранившего при переустройстве турфанские коллекции.

¹⁷ Афрасиаб (Афросиаб) — древнее городище в северной части современного Самарканда.

¹⁸ Эта любопытная идея Бартольда, исключаящая из этнографического музея духовную культуру, возможно, была обусловлена замыслом создания большого и специализированного Музея истории религии (о таком музее чуть ниже будет упоминать Штернберг), но это предположение требует отдельного изучения.

С. Ф. Ольденбург возразил ему: «Берлинский музей пока *Кунсткамера*¹⁹ (курсив наш. — Авт.) и примером служить не может» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 10).

В. В. Бартольд повторил: «МАЭ не музей мировой культуры» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 10).

В целом мартовское заседание 1925 г. закончилось в пользу МАЭ. Даже С. Ф. Ольденбург, настаивавший на передаче экспонатов в Эрмитаж, признал: «...пока следует оставить так, как оно есть. Кроме того, раз Музей определенно против — то оставить пока как есть. Затем желательно присутствие на совещании представителей от Эрмитажа, чтобы знать их основания» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 10). Л. Я. Штернберг отметил: «Я думаю, что лучшей защиты, чем Ваша — Эрмитаж не даст» (Отдел Учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 10). Члены комиссии договорились о проведении новой встречи совместно с сотрудниками Эрмитажа, которая, по всей видимости, в 1925 г. не состоялась²⁰. Туркестанские древности еще на пять лет остались в МАЭ. За эти годы произошло несколько важных событий, окончательно определивших судьбу этих артефактов.

В 1927 г. скончался Л. Я. Штернберг, главный сторонник сохранения хотя бы части туркестанских предметов в МАЭ.

В апреле 1929 г. в располагавшейся в Мраморном дворце Государственной академии истории материальной культуры прошло совещание этнографов Москвы и Ленинграда, определившее дальнейшее развитие этнографии в Советском Союзе. Музейной тематике был посвящен пятый день совещания (9 апреля 1929 г.).

Свое мнение о задачах этнографического музея среди прочих выступавших, высказывания которых носили более частный характер, выразили Б. М. Соколов (1889–1930)²¹, Б. Г. Крыжановский (1886–1937)²², В. Г. Богораз (1865–1936)²³. На этом совещании вопрос об археологических коллекциях в этнографическом музее не был самым обсуждаемым, но в целом ученые не считали нужным разрывать собранные в одном музее этнографические и историко-археологические коллекции. Так, Б. Г. Крыжановский полагал: «Конечно, музей должен в течение всего времени своего существования отмечать все изменения культуры, которые он наблюдает. Но совершенно также ему необходимо углубляться в исторический материал, который не может быть оторван от современного. Таким образом, весь исторический материал, поскольку музей может в него углубиться, должен войти в состав его изучения <...> Мне кажется, что музей такого типа, как я его описывал, безразлично этнографический или этнологический, не может ограничиться материалом, связанным с данными этническими группировками. Он неизбежно должен охватить всю культуру, которая существовала на данной территории» (От классиков... 2014: 351). Б. М. Соколов также озвучил идею о тесной связи этнографических экспонатов «с материалами археологическими (палеоэтнологическими) и материалами историко-бытовых музеев» (От классиков... 2014: 339), при этом им же отмечена возможность и даже необходимость перегруппировки коллекций, в которой «разумная целесообразность должна стать выше охраны традиций отдельных учреждений» (От классиков... 2014: 341), а значит им была поддержана и возможность больших музейных передач.

Через несколько месяцев после совещания в Мраморном дворце 8 июля 1929 г. скончался Самуил Мартынович Дудин, первый и единственный хранитель отдела древностей Восточного и Западного Туркестана. Фактически отдел остался без руководителя и, как мы увидим ниже,

¹⁹ В это время слово «Кунсткамера», под которой понимался какой-то отсталый музей, использовалось почти исключительно в отрицательном смысле. Это негативное отношение отмечал и В. Г. Богораз на совещании этнографов 1929 г.: «Здесь кунсткамера употреблялась в виде укора» (От классиков... 2014: 366).

²⁰ К настоящему времени нам не удалось найти протокола этой встречи.

²¹ Борис Матвеевич Соколов в 1918–1919 гг. заведовал Этнографическим отделом Румянцевского музея, а с 1924 г. возглавлял Центральный музей народоведения.

²² Борис Георгиевич Крыжановский — заведующий украинским отделением Этнографического отдела Русского музея.

²³ Владимир Германович Богораз — народоволец, писатель, этнограф. С 1918 г. сотрудник МАЭ. В 1932 г. возглавил созданный им Музей истории религии.

заниматься передачей экспонатов в Эрмитаж, за исключением И. И. Зарубина, которого довольно быстро отстранят от этой работы, будут люди, весьма далекие от истории и археологии Востока.

ПЕРЕДАЧА В ЭРМИТАЖ

Второе обращение Эрмитажа о *временной выдаче* (курсив наш. — *Авт.*) археологических памятников из Восточного Туркестана последовало в самом начале 1930 г.

Так, 3 января 1930 г. на заседании Совета МАЭ был зачитан акт о передаче в отдел Востока Государственного Эрмитажа 1625 музейных номеров из отдела Восточного и Западного Туркестана на временную выставку (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 39 об.).

На заседании Совета МАЭ 13 января 1930 г. рассматривали «Отношение Гос. Эрмитажа с просьбой предоставить для *временного выставления* (курсив наш. — *Авт.*) фигурки воина из Турфана, матрицу горельефа воина, отливку и штемпель с изображением козла. Постановили: предоставить для *временной выставки* (курсив наш. — *Авт.*) на 6 месяцев» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 42).

Однако уже на заседании 24 января 1930 г. речь пойдет о передаче экспонатов в Эрмитаж на постоянное хранение. Ниже приводится список состава совета, а также отрывок из протокола заседания по интересующему нас вопросу.

«Присутствовали: В. В. Александров, В. Г. Богораз, Б. И. Вишневский, Д. К. Зеленин, С. В. Иванов, Л. Э. Каруновская, Д. А. Ольдерогге, В. П. Павлов, Э. К. Пекарский, Г. О. Монзелер, Е. Г. Кагаров, С. А. Семенов-Зусер, В. В. Федоров, В. Г. Шпринцин, С. А. Штернберг.

Председатель — Директор Музея Е. Ф. Карский.

Секретарь — Д. А. Ольдерогге.

§ 4. Слушали: Отношение Гос. Эрмитажа от 23/1 № 1105 с просьбой рассмотреть вопрос о передаче в Эрмитаж археологического собрания из Средней Азии, Хотана и Турфана.

Постановили: Согласно пожелания (так в тексте. — *Авт.*), высказанного Комиссией по передаче в Эрмитаж коллекций признать такую передачу *возможной и желательной*²⁴ (курсив наш. — *Авт.*), однако, при условии обмена с коллекциями Гос. Эрмитажа, имеющих отношение к заданиям (курсив наш. — *Авт.*) МАЭ. Вследствие этого предложить заведующим отделами МАЭ срочно высказать свои пожелания относительно тех коллекций Эрмитажа или частей их, которые желательно получить в обмен²⁵. По получении этих заявок сообщить об этом в Гос. Эрмитаж» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 43).

Президиум Академии наук 29 января разрешил передачу в Эрмитаж «археологических и историко-художественных коллекций из Средней Азии и Восточного Туркестана, относящихся к историческим эпохам и хранящимся в МАЭ» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 35).

Согласие Эрмитажа на передачу в МАЭ американской, абиссинской, среднеазиатской коллекций взамен археологических древностей из Средней Азии было получено 5 февраля (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 35).

В отличие от 1925 г., спустя пять лет никаких прений о необходимости такого обмена не было и вопрос о месте историко-археологических экспонатов в этнографическом музее уже не обсуждался.

На заседании Совета МАЭ 5 июля 1930 г. говорилось, что «в МАЭ археология играет лишь подсобную роль — для увязки с этнографией и антропологией» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 70), более того в Отчете о деятельности АН СССР за 1930 г. заявлено о плане создания в МАЭ «Вводного отдела (вместо Отдела археологии), где будут сосредоточены археологические и антропологические коллекции, теснейшим образом связанные между собой и увяз-

²⁴ Видимо, речь идет о комиссии 1925 г., но тогда, как уже говорилось выше, не было единого мнения о передаче экспонатов.

²⁵ О том, какие экспонаты МАЭ получит из Эрмитажа, см. ниже.

занные с этнографией. Этот отдел, являясь вводным в этнографические отделы, дает представление о доисторическом человеке и его древнейших культурах, а также о существующих на земном шаре расах и причинах их возникновения» (Отчет... 1931: 262). В начале 1930-х годов намечалось слияние отделов археологии и антропологии с четкой направленностью на показ «доисторического человека». Буддийской археологии в этом «вводном отделе» места, естественно, не было.

При установке на строгое соответствие научным задачам этнографического музея в глобальной музейной сети, где центральным музеям отводилась роль узкоспециализированных учреждений и предполагалось, что для полноты картины посетитель должен переходить не из зала в зал, а из одного музея в другой, для МАЭ второстепенным становился даже вопрос о подлинности экспоната.

В связи с этим очень показательным письмом Г. О. Монзелера (1900–1959)²⁶ в Совет МАЭ, написанное 15 июня 1930 г. Речь в нем идет не о предметах из Восточного Туркестана, а о ханьской керамике, однако мы позволим себе привести несколько отрывков из него, отражающих общее отношение к аутентичности предмета в этнографическом музее в тот период:

«И. А. Орбели обратился с просьбой о передаче в Эрмитаж в Отдел Востока коллекции Ханьской керамики хранящейся в Отделе Дальнего Востока МАЭ <...>, причем взамен этих оригинальных вещей Эрмитаж, по словам Орбели, обязуется дать муляжи с них, которые Эрмитаж закажет Золоторевскому.

В случае, если бы Эрмитаж обратился с соответствующим письменным ходатайством в МАЭ до моего возвращения, настоящим довожу до сведения Совета МАЭ, что считаю такую передачу вполне возможной, так как эта коллекция памятников древнего китайского искусства *нашему Музею интересна, главным образом, как иллюстрация эволюции похоронных обрядов китайцев, для чего вполне могут быть использованы муляжи* (курсив наш. — Авт.)» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). № 12. Л. 30).

В 1930 г. в вопросе древностей Восточного Туркестана и МАЭ, и Президиум АН даже скорее торопили Эрмитаж с вывозом экспонатов. Дело в том, что после договоренности об обмене коллекциями Эрмитаж не спешил забирать экспонаты. В то же время на круглый зал на третьем этаже МАЭ, в котором они располагались, претендовал заведующий отделом эволюции и типологии культуры Е. Г. Кагаров (1882–1942)²⁷, собиравшийся развернуть в этом зале выставку «Развитие одежды» и уведомлявший Совет МАЭ, что помещение по-прежнему занято туркестанскими артефактами (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 25 об.).

Судя по некоторым очень кратким и неопределенным замечаниям в документах, единственным человеком, пытавшимся как-то притормозить процесс передачи и, возможно, сохранить часть экспонатов в МАЭ, был Иван Иванович Зарубин (1887–1964), известный иранист, заведующий отделом Передней и Средней Азии. Так, 27 марта 1930 г. директор Эрмитажа Л. Л. Оболенский жаловался, что «...работа Эрмитажных сотрудников дважды была сорвана отсутствием сотрудника Музея Антропологии и Этнографии Зарубина, от которого якобы продолжение означенной работы зависит» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). № 12. Л. 96–96 об.).

Однако похоже, что в 1930 г. в этом вопросе И. И. Зарубин был в одиночестве. Более того, на скорейшем вывозе древностей настаивал Е. Г. Кагаров, искренне желавший освобождения помещения для своего отдела и выставки.

Выслушав очередное заявление Е. Г. Кагарова о том, что «перевод Отдела Эволюции в новое помещение задерживается вследствие не вывоза Турфанских древностей», 17 мая Совет МАЭ поручил ему руководство передачей экспонатов, предоставив в помощники научного сотрудника

²⁶ Георгий Оскарович Монзелер — японист и китаист. В 1924–1931 гг. заведовал отделом Дальнего Востока МАЭ.

²⁷ Евгений Георгиевич Кагаров — специалист по античной культуре, этнограф. Сотрудник МАЭ с 1925 г. По словам М. М. Шахнович, «Е. Г. Кагаров был одним из первых создателей историко-типологического метода изучения культуры и фольклора, предлагал свою классификацию мифов, выделяя мифы натуралистические, психологические, социологические, исторические, этимологические и иконические» (Из архива... 2018: 7).

В. В. Федорова и научно-технического сотрудника А. С. Эстрина (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 24).

Научно-методическая комиссия МАЭ 6 июня 1930 г. признала выставку «Развитие одежды» ударной и ходатайствовала перед Советом музея о скорейшем переоборудовании круглого зала на третьем этаже для ее подготовки (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 62).

В свою очередь, Е. Г. Кагаров и А. С. Эстрин сообщили, что по результатам их переговоров с Эрмитажем И. А. Орбели обещал «возобновить прерванные работы по очищению Турфанского зала» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 62 об.).

Наконец 12 июля 1930 г. А. С. Эстрин и В. В. Федоров передали 40 ящиков, опечатанных печатью МАЭ, с находками из Западного и Восточного Туркестана, а также Древнего Сарая (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 71 об.). При этом А. С. Эстрин доложил Совету МАЭ, что сотрудниками Эрмитажа помимо ящиков были вывезены также некоторые шкафы и витрины, в которых хранились экспонаты (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 72).

На самом деле 12 июля 1930 г. была выдана только часть экспонатов уже бывшего отдела древностей Восточного и Западного Туркестана, находившаяся в круглом зале на третьем этаже здания Кунсткамеры, в котором так нуждался отдел типологии и эволюции культуры. Передача всех экспонатов затянулась на несколько лет, а последние материалы (негативы, фотографии, рисунки, коллекционные описи) отправили в Эрмитаж только 10 июня 1952 г. (Отдел учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 203).

В результате всех этих преобразований Эрмитаж приобрел ценнейшее собрание памятников буддийского искусства и археологии, а в МАЭ к 13-й годовщине Октябрьской революции в освобожденном от туркестанских древностей зале была открыта выставка «Одежда в истории человеческой культуры», сопровождавшаяся путеводителем под названием «История одежды» (Отчет... 1931: 270).

ЧТО МАЭ ПОЛУЧИЛ ИЗ ЭРМИТАЖА ВЗАМЕН

Как уже упоминалось, Эрмитаж обещал передать в МАЭ несколько коллекций в обмен на восточно-туркестанские археологические артефакты. 4 февраля 1930 г. в МАЭ пришло следующее письмо: «Государственный Эрмитаж приветствуя и всецело разделяя точку зрения МАЭ на необходимость планомерного размежевания задач и круга работ обоих музеев, не в порядке лишь временной ударной компании, а в процессе всей дальнейшей работы, извещает Вас о своем согласии на передачу в МАЭ уже выделенных для этой цели — американских памятников, хранящихся в Эрмитаже, уже выделенных этнографического характера среднеазиатских собраний и абиссинской коллекции» (Отдел учета МАЭ. Ф. К-IV. Оп. 6. № 2. Л. 25).

Подтверждение на передачу американских экспонатов и список предметов МАЭ получил 30 марта 1930 г.: «Прилагая при сем примерную опись мексиканских вещей, выделенных Эрмитажем из Отделения Греческих и Римских Древностей, Гос. Эрмитаж просит сообщить, заинтересован ли Музей Антропологии и Этнографии в их получении, и в утвердительном случае просит возбудить ходатайство перед Уполнаркомпросом о передаче ему указанных в описи предметов» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 94)²⁸.

Дирекция МАЭ 12 апреля 1930 г. обратилась в Управление Уполнаркомпроса г. Ленинграда с просьбой разрешить эту передачу, указав, что «...Гос. Эрмитаж со своей стороны препятствий к передаче коллекций не имеет» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1930 г.). № 9. Л. 88).

Однако ни в 1930 г., ни позднее согласно документам МАЭ такая коллекция в музей не поступала (КП 2413-4824).

²⁸ «Перуанская керамика (17 номеров), мексиканская голова (видимо, каменная. — *Авт.*), маска из зеленовато-черного камня, маска из алебаstra, маска из серого камня, три фигуры идолов. Всего 24 номера» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). № 12. Л. 90).

В 1930-е годы МАЭ получил из Эрмитажа только две коллекции — собрание эфиопских рукописей и икон (всего 19 номеров) в 1930 г. (Опись колл. № 4055. Л. 1–3) и эфиопскую же доску с надписями в 1932 г. (Опись колл. № 4656. Титульный лист).

В 1934 г. Институт антропологии и этнографии Академии наук СССР²⁹ обратился в Государственный Эрмитаж со следующей просьбой: «...согласно существующей договоренности взамен переданных Институтом Эрмитажу Турфанских собраний — передать ему коллекции по палеолиту, настоятельно нужные Институту для пополнения экспедиции³⁰» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). № 12. Л. 13), а 21 июня 1935 г. М. З. Панчикова получила из Эрмитажа на *временное хранение* (курсив наш. — Авт.) коллекции по палеолиту (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1925 г.). № 12. Л. 17).

Таким образом, в результате обмена с Эрмитажем в начале 1930-х годов МАЭ получил на постоянное хранение всего две африканские коллекции общей численностью 20 номеров.

ЧТО ОСТАЛОСЬ В МАЭ

Несмотря на полную ликвидацию отдела древностей Восточного и Западного Туркестана и тотальную передачу его материалов в Эрмитаж, включая фотографии и документы, кое-что из этого отдела в МАЭ все-таки осталось³¹. Это преимущественно фотоотпечатки и негативы. Так, в составе монгольских фотоколлекций № И200 и 573 есть несколько фотографий из экспедиции Д. А. Клеменца 1898 г. (рис. 1).

В МАЭ также сохранились стереоскопические стеклянные негативы и позитивы Первой Русской Туркестанской экспедиции, снятые С. М. Дудиным (колл. № 2114) (рис. 2) и С. Ф. Ольденбургом (колл. № 2561) (рис. 3), а также находок из Хотана (колл. № 2129), выполненные Дудиным. Ко Второй Русской Туркестанской экспедиции относится коллекция негативов № 2491 — путь экспедиции от г. Сергиополя до пещер Могао близ Дуньхуана.

В 1923 г. С. М. Дудин в фотомастерской МАЭ выполнил съемку ряда экспонатов отдела древностей Восточного и Западного Туркестана (колл. № 2880), эти негативы также находятся в МАЭ.

Помимо фотоматериалов, в МАЭ остались три погребальные статуэтки воинов (два всадника и один пехотинец) из собрания Н. Н. Кроткова. Примечательно, что и хранящиеся в МАЭ, и переданные в Эрмитаж фигуры всадников установлены на одинаковых деревянных подставках³², изготовленных, скорее всего, в макетно-муляжной мастерской МАЭ. Такой же постамент виден на фотографии «Глиняный турфанский всадник»³³, снятой в фотомастерской МАЭ С. М. Дудиным в 1923 г.

В 1949 г. описание этих трех экспонатов с размышлениями о возможной датировке памятников и этнической принадлежности изображенных воинов были опубликованы Л. Н. Гумилевым в XII томе «Сборника Музея антропологии и этнографии» (Гумилев 1949). В настоящей работе мы не будем останавливаться на вопросе атрибуции оставшихся в МАЭ предметов из бывшего отдела древностей Восточного и Западного Туркестана, отметим только, что материалы этого отдела, как фотографии, так и статуэтки воинов, нуждаются в подробном исследовании и публикации.

После передачи в Эрмитаж начинается новый этап в истории бывших восточно-туркестанских коллекций МАЭ: они не только были перемещены из одного музея в другой, с ними стали работать

²⁹ В 1933 г. Музей антропологии и этнографии АН СССР был включен в состав созданного в том же году Института антропологии и этнографии АН СССР, частью которого МАЭ был до 1992 г.

³⁰ В документах 1920–1930-х годов экспозицию иногда называли экспедицией.

³¹ Большой список коллекций МАЭ по этнографии народов Восточного Туркестана, включая более поздние собрания, см.: (Кисляков 2010: 360–404). О фотоколлекциях из Русских Туркестанских экспедиций С. Ф. Ольденбурга см.: (Прищепова 2011: 97–99; Восточный Туркестан и Монголия 2018с).

³² Постаменты фигурок всадников из собрания Эрмитажа хорошо видны на иллюстрациях в каталоге выставки «Пещеры тысячи будд» (Пещеры... 2008: 237).

³³ Так эта фотография названа в музейной базе данных МАЭ.

другие люди. После Второй мировой войны состав эрмитажных туркестанских экспонатов пополнился предметами, добытыми в ходе немецких экспедиций и вывезенными в СССР в качестве репараций³⁴. К настоящему времени опубликованы каталоги хотанской (Дьяконова, Сорокин 1960), дуньхуанской (Памятники 1997–2005), карашарской или шикшинской (Дьяконова 1995; Памятники 2011) и кучарской (Памятники 2018) коллекций. В 2013 г. на третьем этаже Зимнего дворца открылась обновленная постоянная экспозиция «Культура и искусство Центральной Азии», в одной из галерей которой представлены артефакты из Восточного Туркестана. Однако история хранения, изучения и экспонирования туркестанских коллекций в Эрмитаже — тема отдельного специального исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Отдел учета МАЭ РАН. Ф. К-IV. Материалы и документы Музея антропологии и этнографии.
Отдел учета МАЭ РАН. № 2. Материалы по передаче коллекций Турфана в Государственный Эрмитаж. КП 2413-4824 — Отдел учета МАЭ РАН. Книга поступлений МАЭ 2413-4824.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ АРХИВА РАН

Фонд 142. Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР

Опись 1. Делопроизводственные материалы (до 1918 г.).

№ 54. Переписка /исходящая/ по вопросам Турфанской экспедиции. Копировавшая книга.

Опись 1. Делопроизводственные материалы (1924 г.).

№ 1. Обзорение по Музею антропологии и этнографии АН СССР.

Опись 1. Делопроизводственные материалы (1925 г.).

№ 12. Акты и переписка по выдаче коллекций во временное пользование в Эрмитаж и получению их обратно в Музей.

Опись 1. Делопроизводственные материалы (1930 г.).

№ 9. Протоколы заседаний Совета МАЭ с материалами к ним.

Опись 5. Личные дела и трудовые списки.

№ 173. Василий Васильевич Федоров. Трудовой список.

Бонгард-Левин Г. М., Воробьева-Десятовская М. И., Темкин Э. Н. Академик С. Ф. Ольденбург — исследователь древней культуры Центральной Азии // Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. М., 2004. С. 14–33.

Бухарин М. Д. «Мы оба работаем для России, для науки...»: переписка С. Ф. Ольденбурга и Н. Н. Кроткова из архивных собраний РАН // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т. 5. М., 2016. С. 395–457.

Бухарин М. Д., Попова И. Ф., Тункина И. В. Русские Туркестанские экспедиции 1909–1910 и 1914–1915 гг. // Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. II: Археологические, исторические и географические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики). М., 2018. С. 9–35.

Бухарин М. Д., Тункина И. В. Русские Туркестанские экспедиции в письмах С. М. Дудина к С. Ф. Ольденбургу из собрания Санкт-Петербургского филиала Архива РАН // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 3. С. 107–128.

Воробьева-Десятовская М. И. Экспедиция М. М. Березовского в Кучу (1905–1908) // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб., 2008. С. 65–74.

Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. I: Эпистолярные документы из архивов Российской академии наук и Турфанского собрания. М., 2018а.

³⁴ История перемещения музейных ценностей из Германии в СССР подробно описана в статье А. Н. Апонасенко, предваряющей публикацию соответствующих архивных документов (Государственный Эрмитаж 2014). Погибшие в ходе войны или вывезенные из страны артефакты, ранее хранившиеся в Музее индийского искусства, составляют содержание специального каталога, подготовленного немецкими коллегами (Staatliche Museen 2002).

Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. II: Археологические, исторические и географические исследования (Архивы Российской академии наук и Национальной академии наук Кыргызской Республики). М., 2018b.

Восточный Туркестан и Монголия. История изучения в конце XIX — первой трети XX века. Т. III: Первая Русская Туркестанская экспедиция 1909–1910 гг. академика С. Ф. Ольденбурга. Фотоархив из собрания Института восточных рукописей Российской академии наук. М., 2018с.

Государственный Эрмитаж. «Перемещенное искусство». 1945–1958: архивные документы. Ч. I / сост., коммент., прилож. и указ. А. Н. Апонасенко. СПб., 2014.

Гумилев Л. Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XII. М.; Л., 1949. С. 232–253.

Дьяконова Н. В. Шикшин. Материалы Первой Русской Туркестанской экспедиции академика С. Ф. Ольденбурга 1909–1910 гг. М., 1995.

Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Терракота и шtuk. Л., 1960.

Ермакова Т. В. Буддийский мир глазами российских исследователей XIX — первой трети XX века (Россия и сопредельные страны). СПб., 1998.

Иванов А. И. Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени императора Петра Великого. СПб., 1915.

Иванов Д. В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб., 2018.

Из архива. Труды по мифологии и фольклору (1934–1937 гг.) / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. М. М. Шахнович. СПб., 2018.

Извлечения из протоколов конгрессов ориенталистов в Риме и Гамбурге // Известия РКИСВА. № 1. СПб., 1903. С. 1–24.

Кисляков В. Н., Резван Е. А., Рудь П. В. Народы китайского Туркестана в коллекциях МАЭ (краткий предварительный каталог) // Резван Е. А. Между Туркестаном и Тибетом: салары. СПб., 2010. С. 360–404.

Кисляков В. Н. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСВА) и коллекции по Восточной Азии МАЭ РАН // Кюнеровский сборник. Материалы восточноазиатских и юго-восточноазиатских исследований. Этнография, фольклор, искусство, история, археология, музееведение. Вып. 7: 2011–2012. СПб., 2013. С. 114–131.

Музей антропологии и этнографии. Основан в 1837 г. [исторический очерк и путеводитель]. Л., 1925.

Назирова Н. Н. Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.

Ольденбург С. Ф. Русская туркестанская экспедиция 1909–1910 годов <...>. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914.

Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1–2. С. 25–30.

Ольденбург С. Ф. Пещеры тысячи будд // Восток. 1922. № 1. С. 57–66.

Ольденбург С. Ф. Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1. С. 41–52.

От классиков к марксизму: совещание этнографов Москвы и Ленинграда (5–11 апреля 1929 г.) / под ред. Д. В. Арзютова, С. С. Алымова, Д. Дж. Андерсона. СПб., 2014. (Кунсткамера — Архив. Т. 7).

Отчет о деятельности Академии наук Союза Советских Социалистических Республик за 1930 г. / сост. В. П. Волгин. Л., 1931.

Петровский Н. Ф. Туркестанские письма / сост. В. Г. Бухерт. М., 2010.

Пещеры тысячи будд: российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки. СПб., 2008.

Попова И. Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX веков // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб., 2008. С. 11–39.

Прищепова В. А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии имени Петра Великого: отдел этнографический. СПб., 1904.

Решетов А. М. Академик В. В. Радлов — востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения — 2002: материалы годичной научной сессии. СПб., 2002. С. 95–101.

Решетов А. М. Д. А. Клеменц и Музей антропологии и этнографии // Пигмалион музейного дела в России. К 150-летию со дня рождения Д. А. Клеменца. СПб., 1998. С. 59–94.

Тункина И. В. Н. Ф. Петровский как собиратель древних памятников письменности в Восточном Туркестане (по материалам писем В. В. Розену и С. Ф. Ольденбургу) // Восток — Запад. Историко-литературный альманах. 2011–2012. М., 2013. С. 105–123.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан / пер. с англ. Е. В. Зеймаля и Е. И. Лубо-Лесниченко. М., 1981.

Щербатской Ф. И. С. Ф. Ольденбург как индианист // Академик С. Ф. Ольденбург. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934. С. 15–23.

Klementz D. Turfan und seine Alterthümer // Nachrichten über die von der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg im Jahre 1898 ausgerüstete Expedition nach Turfan. H. 1. St.-Petersburg, 1899. S. 1–53.

Staatliche Museen zu Berlin. Documentation der Verluste. Bd. III: Museum für Indische Kunst. Berlin, 2002.

Памятники 1997–2005 — 俄羅斯國立艾爾米塔什博物館藏敦煌藝術品 (Памятники искусства из Дуньхуана, хранящиеся в России в Государственном Эрмитаже). Т. 1–6. Шанхай, 1997–2005.

Памятники 2011 — 俄羅斯艾爾米塔什博物館藏錫克沁藝術品 (Памятники искусства из Шикшина, хранящиеся в России в Государственном Эрмитаже). Шанхай, 2011.

Памятники 2018 — 俄羅斯國立艾爾米塔什博物館藏龜茲藝術品 (Памятники искусства из Кучи, хранящиеся в России в Государственном Эрмитаже). Т. 1–2. Шанхай, 2018.

ARCHAEOLOGICAL ARTIFACTS FROM EAST TURKESTAN IN THE MUSEUM OF ANTHROPOLOGY AND ETHNOGRAPHY

ABSTRACT. The article describes the history of the acquisition of Buddhist archaeological artifacts from East Turkestan by the Museum of Anthropology and Ethnography, as well as their subsequent transfer to the State Hermitage Museum. The first archaeological studies of East Turkestan were largely connected with the Museum of Anthropology and Ethnography, its director Vasily Vasilievich Radlov, and the staff member of the MAE Dmitry Alexandrovich Klementz. A special department for items from East Turkestan was established at the Museum of Anthropology and Ethnography and archaeological artifacts from this region were exhibited at the permanent expositions of the MAE. The article also addresses the history of this department. However, a large-scale transfer of the artifacts to the State Hermitage took place afterwards. Behind this transfer there were complex processes of the post-revolutionary reorganization of the museum functioning in the country, a discussion concerning the appropriateness of archaeological exhibits in an ethnographic museum and, more broadly, the issue of the role and purpose of the ethnographic museum itself.

KEY WORDS: East Turkestan, Buddhist archaeology, Museum of Anthropology and Ethnography, Hermitage

DMITRII V. IVANOV — Candidate of Sciences in History, Senior Researcher of the Department of East and Southeast Asia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: dmitivanov@gmail.com

EVGENY A. KIY — Candidate of Sciences in Philosophy, Senior Researcher of the Oriental Department, The State Hermitage Museum (Saint Petersburg, Russia)

E-mail: evgeniy.kiy@gmail.com

Рис. 1. Развалины крепости близ Кашгара. Фото Д. А. Клеменца. 1898 г.
Фотоотпечаток. МАЭ № 573-22

Рис. 2. Шикшин: очистка фресок. Фото С. М. Дудина. 1909 г.
Стереоскопический негатив на стеклянном носителе. МАЭ № 2114-465/1

Рис. 3. Фрагмент фрески. Фото С. Ф. Ольденбурга. 1909 г.
Негатив на стеклянном носителе. МАЭ № 2561-60